

английском языке, в основном определяются через соответствующие участки ЛСГ в немецком языке [см. 19]. Исследуемые ЛСГ, входя в лексико-семантическое поле эмоций, не являются замкнутыми, им свойственна «открытость»: ЛСГ wish в английском языке пересекается с ЛСГ intend, в свою очередь ЛСГ wünschen связана с ЛСГ glauben и leiden.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уфимцева А. А. О типологическом изучении лексики.— В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков, М., 1966, с. 220.
2. См.: Долгих Н. Г. Исследование семантического поля глаголов эмоций в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Тбилиси, 1970; Минина Н. М. Лексико-семантическая глагольная система современного немецкого языка: Дис. докт. филол. наук. М., 1977.
3. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973, с. 34.
4. Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы.— Вопр. языкознания, 1969, № 3, с. 53.
5. Англо-русский синонимический словарь/Под ред. Ю. Д. Апресяна, А. И. Розенмана. М., 1979.
6. Allen's Synonyms and Antonyms. New York; London, 1958.
7. A Nuttall Dictionary of Synonyms and Antonyms, ed. by Christ, 1966.
8. Cassell's Modern Guide to Synonyms and Related Words. Cassel London, 1971.
9. Crabb's English Synonyms. London, 1977.
10. Funk and Wagnalls. Modera Guide to Synonyms and Related Words. New York, 1968.
11. Hornby A. S. with Cowie. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, Oxford Univ. Press, 1982.
12. Pitman's book of synonyms and antonyms. 5th edition, London, 1969.
13. Rodale J. I. The Synonym Finder. Emmaas, 1967.
14. Sisson's Synonyms. An unabridged Synonym and Related forms. Parker Publishing Company, Inc. 1969.
15. Synonymwörter von Herbert Görter und Günter. Leipzig, 1973.
16. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles, third edition, Oxford, 1952.
17. Webster's New Dictionary of Synonyms, Springfield. Massachuselts USA, 1973.
18. Duden. Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim Bibliogr. Inst., 1977.
19. Cassell's German and English Dictionary. Cassel London, 1966.
20. Braine J. Room at the Top. M., 1961.
21. Christie A. Hickory, Dickory Dock. Fontana, 1971.

Т. П. Собко
(Свердловск)

СООТНОШЕНИЕ ПРИЧАСТИЯ I И ГЕРУНДИЯ В СИСТЕМЕ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ

В настоящее время многие, исследующие неличные формы, склонны выделять в английском языке три такие формы: причастие, инфинитив и герундий. При этом под термином «причастие» подразумевается причастие II, а термин «инфинитив»

форма» объединяет герундий и причастие I. Рассмотрим соотношение двух неличных форм английского глагола — герундия и причастия I, поскольку именно по этому вопросу в литературе имеется значительное расхождение мнений. Можно выделить две противоположные позиции в описании герундия и причастия I. Первая, она же традиционная, требует считать герундий самостоятельной неличной формой [1, 2], вторая группа исследователей стремится доказать, что герундий и причастие I это не две различные, а одна инговая форма [3, 4, 5, 6]. Для второй точки зрения имеются объективные основания: морфологически причастие I и герундий не различаются в современном английском языке. Однако сторонники традиционного разделения герундия и причастия I также опираются на факты языка.

Приведем аргументы сторонников слияния герундия и причастия I в группу инговых форм [4]. Во-первых, в некоторых случаях, когда у герундия и причастия I имеются собственные субъекты, различия между этими неличными формами стираются. Обычно указывается субъект инговой формы, который, как правило, бывает выражен существительным или местоимением в общем падеже, а позессивный падеж редко употребляется в этой позиции. Данные, противоречащие указанному утверждению, приводит, например, Мартин Джос: он сообщает, что в британском варианте английского языка наблюдается абсолютное равновесие в употреблении той и другой формы в описываемой позиции [1].

Во-вторых, инговая форма после ряда глаголов, таких как *to begin, to start, to continue*, обычно считается герундием, хотя в предложении нет ничего, что доказывало бы, что данная инговая форма не причастие I, например:

(a) English grammar is very difficult and few writers have avoided making mistakes in it [9. Все примеры в статье цитируются по данному источнику].

Но после некоторых других глаголов, обычно обозначающих состояние или движение, например *to sit, to stand, to lie, to go, to come*, инговая форма считается причастием I:

(б) How dare you come roaring into this court?

В приведенных примерах не обнаруживается никаких формальных отличий, и сторонники слияния инговых форм говорят, что различие, очевидно, основано на том факте, что после первой группы глаголов можно встретить существительное: *He began work* или *He did not mention this fact*, — в то время как после второй группы глаголов, объединяющей непереходные глаголы, существительное подставлено быть не может. В связи с этим следует заметить, что данный критерий различия между герундием и причастием I вовсе не лишен смысла, поскольку разделение глаголов на переходные и непереходные основано не только на способности одних принимать прямое дополнение и неспособности к этому других.

Указанное различие уходит своими корнями гораздо глубже, оно базируется на существовании в языке двух позиций — центростремительной и центробежной. Для центробежной позиции характерно наличие обязательного объекта, в то время как в центростремительной позиции объект факультативен. В центробежной позиции обязательно употребление глагола обладания (P_{have}), к которому восходят переходные глаголы, а в центростремительной позиции обязательно наличие глагола бытия (P_{be}), к которому в свою очередь восходят непереходные глаголы. Если в предложении, соответствующем центробежной позиции $S - P_{\text{have}} - O$, удалить объект, то коммуникативная ценность данного предложения утрачивается. Для того чтобы узнать, действительно ли в приведенных выше предложениях инговые формы представляют собой однородные единицы, мы можем применить к ним операцию опущения объекта (в нашем случае — инговой формы). При этом если смысл предложения не изменится, то удаленная форма не будет считаться объектом, но если предложение утратит свою коммуникативную функцию, то удаленный член структуры должен быть признан объектом: *How dare you come ... into this court? ... few writers have avoided ...*

Как следует из полученных результатов трансформации, инговые формы в этих двух предложениях, несмотря на внешнее сходство конструкций, выступают в совершенно разных ролях. Опущение инговой формы в первом предложении не повлекло за собой нарушения коммуникативной функции, в то время как опущение инговой формы во втором предложении привело к образованию «осколка» предложения, не обладающего коммуникативной ценностью. Из этого можно сделать вывод, что операция подстановки существительного на место инговой формы для определения лексико-грамматической принадлежности этой формы вовсе не лишена оснований, ибо именно у существительного первичной синтаксической функцией является функция объекта (функция субъекта в данном случае нерелевантна). Описанная трансформация может служить достаточным критерием выделения герундия из инговых форм.

Другой аргумент в пользу объединения герундия и причастия I сводится к следующему. В примерах:

(в) *After hesitating* a moment or two he knocked on the door.

(г) *On getting up* in the morning I found a letter on my doorstep.

(д) He could take a nap in the car *while waiting* for the filling station to open.

(е) Often *when boasting* of his deceits, he sounded childlike and innocent.

функция инговых форм идентична, однако обычно эта форма в предложениях (в) и (г) рассматривается как герундий на том основании, что она следует за предлогом, а в предложе-

ниях (д) и (е), где перед инговой формой стоит подчинительный союз, эти формы считаются причастиями I. Однако общеизвестно, что не только инговая форма, но и существительное может быть обнаружено в позиции как после предлога, так и после подчинительного союза:

(ж) He grinned and took from his pocket a winged maple seed, which he expertly split with his thumbnail and glued to his nose as we used to *when children*, so it made a little green rhinocero's horn.

(з) *Though a natural partisan*, he has never been a party politician.

На наш взгляд, приведенное рассуждение не совсем строго. Проводить знак равенства между структурами в предложениях (в) и (г) и в остальных предложениях нет достаточного основания. Подчинительные союзы в предложениях (ж) и (з) вводят не просто существительные, с которыми традиционно ассоциируется герундий. Подчинительными союзами *when*, *while*, *though* вводятся эллипсисы придаточных предложений. В эллипсис же может выделяться не какой-то определенный член структуры, а только логически ведущий в каждом конкретном контексте [3]. Во всех приведенных примерах с подчинительными союзами можно эллипсисы восстановить до полных придаточных предложений:

(Т_з) *Though he was a natural partisan*, he has never been a party politician;

(Т_д) He could take a nap in the car *while he was waiting* for the filling station to open;

(Т_е) Often *when he was boasting* of his deceits, he sounded childlike and innocent.

В предложениях (д) и (е) полученная в результате трансформации инговая форма входит в состав Continuous (*was waiting*) и *was boasting*, в образовании которой, как известно, принимает участие именно причастие I. Подобной операции восстановления невозможно адекватно применить к предложениям (в) и (г); так, в результате получаются грамматически неотмеченные предложения:

* On I was getting up in the morning I found a letter on my doorstep.

* After he was hesitating a moment or two he knocked on the door.

Таким образом видно, что не форма Continuous — источник инговой формы в этих двух предложениях. Природа ее не причастная, как в примерах (д), (е), (ж), (з), а иная. Поскольку же формально различие это выразилось в наличии предлога перед инговой формой непричастной природы и в наличии подчинительного союза перед причастием I, то критерий наличия предлога перед инговой формой не следует отбрасывать как несостоятельный при выделении герундия из инговых форм.

Еще одна позиция, в которой, как считают исследователи [2, 4], нейтрализовано различие между герундием и причастием I, это позиция после слов *busy* и *worth*:

(и) *She was busy trying the effect of some boxes with bright painted porcelain lids.*

(к) *He thought my idea was worth trying.*

Доводы сторонников единой инговой формы в данном случае сводятся к следующему: традиционно инговая форма в такой позиции без очевидной причины трактуется как герундий. Действительно, после слова *worth* можно встретить и существительное, как, например, *worth the time*. Но слово *busy* в такой позиции может присоединять только инговую форму и никогда не присоединяет существительного; ограничиваться рассуждением о возможности или невозможности замены инговой формы после указанных слов существительным недостаточно. *Worth* и *busy* обладают совершенно различными условиями дистрибуции. Если *busy* может употребляться в текстах абсолютно в функциях прилагательного (*a busy man*) или наречия, то слово *worth* никогда не встречается в отрыве от следующей за ним инговой формы или существительного. *Worth* функционирует как модальное слово, и оторвать его от следующей за ним лексической единицы невозможно, не нарушив при этом главного условия существования высказывания — коммуникативной ценности: *He thought my idea was worth trying. He thought my idea ... trying.*

В приведенной трансформации произошло нарушение семантической инвариантности, что свидетельствует об обязательности наличия опущенного слова, в данном случае слова *worth*. Одновременно нельзя слово *worth* употреблять в отрыве от следующей за ним лексической единицы, например *the film is worth* или *the idea is worth*, в то время как слово *busy* употребляется и независимо от наличия или отсутствия следующих за ним слов *Ann is busy* или *the Committee are busy*. Еще одно наблюдение касается слова *busy*: это слово можно удалить из конструкции с инговой формой, не нарушив при этом смысла высказывания (его грамматической правильности и семантической инвариантности). При этом инговая форма соединяется с глаголом *to be*, без которого *busy* в данной позиции не встречается, и образует глагольную форму *Continuous*, что говорит о ее причастной природе:

She was busy trying lids. I am busy cleaning the windows. Ann is busy playing in the garden.

Таким образом, можно предположить, что инговая форма после слова *worth* является герундием, поскольку может быть замещена в этой позиции существительным, а после слова *busy* — причастием I, так как она не может быть замещена существительным, а при опущении слова *busy* участвует в образовании *Continuous Aspect*.

Итак, главное условие выделения герундия из инговых форм — это функции, присущие субстантивам. Функциональный признак имеет большое значение при выделении единиц таксономического уровня [7], однако это не единственный признак. Для того чтобы выделить какой-либо класс слов, необходимо учитывать сочетание трех признаков — семантического, морфологического и синтаксического. При этом семантический признак является самым глубинным, он определяет общее грамматическое значение части речи. Синтаксические функции очень тесно связаны с семантикой частей речи и, безусловно, определяются ею. Однако представители того или иного класса могут выступать и в функции, не свойственной данному лексикограмматическому классу. Такие слова — синтаксические дериваты, а их функция — вторичная функция, в отличие от первичной функции, продиктованной лексическим значением [8].

Если согласиться с авторами, которые предполагают, что возникновение причастия I исторически предшествовало появлению герундия, можно предположить, что герундий развивался как синтаксический дериват причастия I. С течением времени употребление инговой формы в функциях, свойственных субстантивам, привело к образованию своеобразного («самостоятельного») [1] лексического значения, которое закрепилось за данной единицей и приобрело некоторые формальные признаки: возможность сочетаться с предлогами и занимать определенные синтаксические позиции в структуре высказывания. И если морфологически герундий и причастие I в современном английском языке не различаются, то синтаксические различия между ними очевидны: герундий может иметь при себе модификатор, выраженный существительным в притяжательной форме или притяжательным местоимением, а причастие I — нет, герундий регулярно сочетается с предлогами, а причастие I практически никогда. Тот факт, что причастие I и герундий по-разному реализуют свою дистрибутивную способность, приводит к неидентичности их синтаксических функций.

Определенная позиция в синтагматической цепи предъявляет свои особые требования к лексическому значению единицы, способной заполнить эту позицию. Отсюда можно заключить, что поскольку причастие I и герундий в функциональном плане различаются, то они неизбежно должны различаться и в семантическом плане, а именно: из трех категориальных признаков частей речи (морфологического, синтаксического и семантического) два не совпадают. Уже поэтому нельзя утверждать, что герундий и причастие I составляют единую таксономическую группу.

В связи с этим мы предлагаем рассматривать герундий как *устойчивый синтаксический дериват* причастия I, который находится в процессе развития в самостоятельную таксономическую единицу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Joos M.* The English Verb. Form and Meaning. Milwaukee, 1964.
2. *Strang B. M.* Modern English Structure. London, 1962.
3. *Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1966.
4. *Gordon E. M., Krilova I. P.* The English Verbals. М.: Prosvescheniye, 1973.
5. *Hill A. A.* Introduction to Linguistic Structures (from Sound to Sentence in English). N-Y, 1958.
6. *Lees R. B.* The Grammar of English Nominalizations. Mouton — the Hague, 1968.
7. *Ярцева В. Н.* Историческая морфология английского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
8. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая: к теории частей речи.— В кн.: *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
9. *Gordon E. M., Krilova L. P.* The English Verbals., М.: Prosvescheniye, 1973.

В. П. Казикина
(Магнитогорск)

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР МЕСТОИМЕННОЙ РЕПРИЗЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуются синтаксические конструкции с местоименной репризой (MP), впервые выявляется и обосновывается их системный характер и функциональное назначение. Конструкции с MP рассматриваются как члены коммуникативной парадигмы английского простого предложения или его коммуникативно-синтаксические варианты, описываются их основные структурные типы полной и неполной реализации. MP характеризуется двучленностью построения как результатом сегментации, вызванной введением в структуру исходного предложения специального оператора производности — указательного местоимения и состоит из сегмента субстантивного характера Seg и основной части высказывания Sm. Sm обладает синтаксической независимостью и обнаруживает наличие всех признаков классического двусоставного предложения, а именно: характер законченного сообщения и соответствует модели полного двусоставного предложения.

В силу того что Sm удовлетворяет грамматическим характеристикам простого предложения, его следует признать таковым. Однако синтаксический анализ показывает, что сегмент не отвечает вышеуказанным характеристикам и поэтому к таковым не относится. При введении местоименного оператора производности в структуру исходного предложения внутренняя связь между подлежащим и сказуемым или сказуемым и дополнением разрывается, и именная лексема, занимавшая синтаксическую позицию подлежащего или дополнения, выносится в самостоятельную синтаксическую позицию, а ее место в пози-